

ВАДИМ ЯМПОЛЬСКИЙ

ДОРОЖНЫЙ ПЛАЩ

ВАДИМ ЯМПОЛЬСКИЙ

ДОРОЖНЫЙ ПЛАЩ

КНИГА СТИХОВ

Санкт-Петербург
2018

Я54

Ямпольский В.

Дорожный плащ: книга стихов. — СПб.: ООО «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2018. — 52 с.

ISBN 978-5-91258-418-3

*На обложке —
фото Александры Каждан*

ISBN 978-5-91258-418-3

© Ямпольский В., 2018

Ночью ветер осенний завоюет сильней,
и повеет дымком из кальянной.
Ты бредёшь по дороге, усталый Орфей,
Эвридика заброшена в царстве теней
со своею тоской окаянной.

Словно бросил монету: жива... Не жива...
Плащ дорожный потрёпан изрядно.
Прилипает к ботинкам сырая листва,
с губ засохших слетают пустые слова.
Да и с кем говоришь, непонятно.

Все забыто, и страсти давно улеглись.
Понапрасну теперь не тревожся.
Вот листок одинокий подбросило ввысь,
и послышалось, будто сказал «обернись»
ветер в спину. И ты обернёшься.

САН-МИКЕЛЕ

Сад или кладбище? Бродишь среди цветов —
осы и бабочки возле бутонов вьются,
если устал от докучных своих трудов —
ляг, отдохни, но, прошу, не забудь проснуться.

Стёртые буквы на плитах, полдневный зной,
женщины в чёрном, непышные их букеты.
Разве возможен какой-нибудь мир иной?
Этим же Солнцем уснувшие здесь согреты.

Ходишь счастливый и думаешь: правда, *там* —
всё и продолжится, только *на самом деле*.
Как не поверить таким безмятежным снам?
Мы уезжаем. До скорого, Сан-Микеле.

* * *

Из своих желаний вырастаешь,
словно выбираешься из пут.
Усмирил, смирился... Только, знаешь,
тем вослед другие не придут.

Посмотри спокойно, равнодушно
на души болезненный распад.
Боже мой! Как счастье было нужно...
три минуты, пять минут назад.

* * *

Ни на что не надейся в грядущем году,
бредни выброси из головы.
В снеговой пелене потеряли звезду
и пропали из вида волхвы.

В мире смешаны вечно и правда, и ложь,
темнота во дворе, чернота.
Потеряешь скорее. А если найдёшь,
то опять пронесёшь мимо рта.

Так чего же ты вышел из дома впотьмах,
напевая мотивчик простой?
Мир прекрасен. И стынет вопрос на устах,
посрамлённый его красотой.

* * *

Вот приятель, отбросив свои личины,
предстаёт реальным и дышит смрадом.
Ты и сам не очень. На то причины
очевидны, и все мы пропахли адом.

Ад повсюду — в газетах, телеэфире,
в разговорах о Крыме или Курилах.
Сколько зла накопилось в подлунном мире,
и оно оседает в мозгах куриных.

И оно разъедает, оно терзает,
возбуждает, наносит себя на майки.
И уста безвольные отверзает,
и в фейсбуке, довольное, ставит лайки.

* * *

Слякотно, мокро, промозгло, паршиво,
лечь поскорее в кровать.
Поздняя осень, наверно, решила
вовсе меня доконать.

Дни одинаковы: снова и снова
морось и серость, и жуть.
А почитав барахла новостного,
очень непросто уснуть.

Сон подступил — приливает тревога,
страх без особых примет.
Света немного и счастья немного.
Взглянешь — и этого нет.

Только холодный шумит, нарастая,
ветер, стучится в дома.
Что там в кармане? надежда пустая.
Скоро наступит зима.

* * *

(«Св. Иероним» Кранаха Старшего)

Алексею Белоусову

Иеронима почти равнодушен взгляд,
чаща лесная заполнена мягким светом.
Может, сомнением древний старик объят,
только художник забыл сообщить об этом.

Может, и веры давно уже ни на грош,
просто сбежал от мирской суеты и грязи.
Я вот, к примеру, циничен и толстокож,
лица стираются, старые рвутся связи.

Впрочем, я верю: он умер, потом воскрес.
И перемены-то мог не заметить даже.
Смотрит вокруг, а повсюду — всё тот же лес.
Смотрит на Книгу — страница открыта та же.

* * *

Гляди на пятку, Ахиллес,
ты видишь? В ней стрела!
Смерть вызывает интерес,
какой бы ни была.

Не плачь, униженный герой,
прими для куражу.
Полмира ходит со стрелой,
а где — не покажу.

В тебя пали — не попадёшь,
ты грозен и велик!
А кто-то весь уже, как ёж,
и ничего — привык.

Удача, гордых не любя,
им вечно кажется зад.
Похоже, сепсис у тебя,
и это скверно, брат.

В Аиде есть у нас река,
смердит, виясь утрём.
Пойдём со мною, сын полка,
хоть пятку окунём.

* * *

В электричках вся правда, в подземных слепых переходах.
В попрошайках, бандитах, бомжах и безногих уродах.
В нищей старости, злости, обиде, безумии, смерти.
Не в холсте разлинованном, не на скрипичном концерте.
В придорожной траве, почерневшей от смога и грязи,
в пустоватой певичке, на сцене дрожащей в экстазе.
Во вранье бесконечном, в тоске беспросветной и скуке.
В невозможной надежде, глядящей на небо в испуге.

* * *

Побитая кучка французов
бежит, чертыхаясь, домой.
Давай, Голенищев-Кутузов,
гони их поганой метлой.

Не мёрзли нормально ни разу,
дорблю запивали сабли.
Гони уже их, одноглазый,
с истерзанной Русской земли.

Достаточно дыма и крови...
изрядно устали полки
орудья держать наготове
и чистить до блеска штыки.

Досталось и вашим, и нашим,
сторицей оплачен поход.
Но всё не напрасно, фельдмаршал?
Не скажет, рукою махнёт.

* * *

Хорошо жилось во время оно:
пил текилу, ездил за рубеж.
А теперь — поймаешь покемона,
две недели без гарнира ешь.

Ты еще жива, моя столица?
Жив и я. Смотрю на мир с тоской:
дождь ли хлещет, плитка ли пылится,
на Арбате, на Тверской-Ямской...

Всё в заметках делаю поправки,
власть ругаю десять раз на дню.
И на всякий случай томик Кафки
под подушкой бережно храню.

* * *

Мрак растворяется во мраке,
и очертания видны
забора, дерева, собаки,
ползущей по небу луны.

Стучит от ветра дверь барака,
волна дробится о причал.
Вот, Одиссей, твоя Итака.
И ты по этому скучал?

Растут какие-то колючки,
повсюду — битое стекло.
Ты слишком долго был в отлучке,
а здесь тоскливо время шло.

Скотина бегают по саду
и блеет жалобно (по ком?)...
давно уехала в Канаду
царица с новым женихом.

Привыкший вечно жить с размахом,
что будешь делать здесь, герой?
Рубиться в шашки с Телемахом?
Лить слёзы над золой и прахом,
поникнув лысой головой?

* * *

«Береги себя...» Как смешно звучит.
Обопрись о земную ось...
Рыцарь пал — бесполезный отброшен щит,
да и панцирь пробит насквозь.

И молитва, прости мне, язык мой груб,
и надежда — спасут едва.
Это в час смертельный слетают с губ
перемолотые слова.

Это эхо в пустых коридорах дней,
снег растаявший к февралю.
Но никто не тронет любви моей,
и не знает, как я люблю.

* * *

Что понимаю я о мире?
Пока немного. Я расту.
Шумят события в эфире,
как электрички на мосту.

Зима сменяется неброской
весной (надолго ли весна)?
Заката розовой полоской
под всем черта подведена.

Что было хрупким изначально,
то рассыпается тотчас:
и даже музыка печальна,
порой блуждающая в нас.

Бежит вода, порхает птица,
трепещет вена у виска.
Не умереть — переродиться
в траву, в деревья, в облака...

ПАМЯТНИК

Exegi monumentum

Я памятник воздвиг
из снега во дворе:
обычный снеговик,
приятный детворе.

Морковка — это нос,
а тело — снежный ком,
и бегают барбос
перед снеговиком.

На голове — горшок,
и веточка в руках...
Не этот ли стишок
переживёт мой прах?

* * *

Пушкин едет с дуэли. Дантеса
больше нет: доигрался повеса...
выстрел, хруст, дымовая завеса,
гомон птиц над замёрзшей рекой.

Секундантов бескровные лица...
Незадачливый смотрит убийца
на жену. «Не в бега ли пуститься?»
Ей и разницы нет никакой.

В свете гомон: «Да в самом ли деле?
Славный малый погиб на дуэли!»
«От ревнивца чего вы хотели?»
Сплетни-слухи не смолкнут никак.

Юмор пошлый повсюду и плоский.
Пот со лба оттирает Жуковский,
осуждая поступок бретёрский:
«А ведь мог и погибнуть, дурак!»

* * *

Змей приползал, предлагал мне делить на ноль:
«Что ты боишься? Попробуй разок, изволь.
Всё запрещают нам тысячи лет подряд.
Выйди из зоны комфорта, смелее, брат.
Сбросим оковы, взлетим из последних сил:
все тут делили, да что там, я сам делил...
Бездна раскрылась, как водится, звёзд полна.
Хватит бояться, дерзай уже, старина!»

Я выходил, просветлённый, делил на ноль:
тут же мозги придавила тупая боль.
Мир безобразен, как мумия, гол и пуст.
Шелест и шёпот исчезли, остался хруст.
Бензоколонки, развязки, дома, столбы,
чёрная копоть, ползущая из трубы.
Черви, окурки и прочее здесь, внизу.
Я завиваюсь кольцами и ползу.

* * *

Земную жизнь пройдя до половины,
я понял вдруг, что оказался без
достойной цели. Офисной рутины
гнилые топи, дальше — тёмный лес.

Начало было — лучшего не надо,
судьбы листал заветную тетрадь,
но рая нет, а чтоб отведать ада,
уже давно не нужно умирать.

Десяток лет бежишь за Синей птицей,
и мир объятья раскрывает, но...
Я здесь стою: повсюду пни амбиций
и сучья страха. Сыро и темно.

Кусты тоски. Лозинский вместо Данте.
Хоть волком вой, но нет проводника.
И это всё мне к тридцати годам-то...
А что, ребята, будет к сорока?

* * *

Царь Лесной зовёт тебя из детства,
нет его, но есть стихи о нём.
Это Гёте мрачное наследство
полыхает яростным огнём.

Это конь извилистой тропею
мчится в ночь, не чуя седока.
Это то, что мы зовём судьбою,
впереди уже на два шага.

В старых книгах не о том ли речь вся?
Вечно скачешь, ужасом гоним.
Невозможно скрыться, уберечься,
не расставшись с близким и родным.

Ни покоя, слышишь, ни награды.
Царь Лесной глядит из-за ветвей.
Сердца стук, попавший в ритм баллады,
навсегда сливающийся с ней.

* * *

Григорию Хубулава

Тот, которого нет, говорит с тобой,
дождь смывает с листьев пыльцу,
полог неба то серый, то голубой
обращён к твоему лицу.

Воробьи, нахохлившись, вниз глядят,
перья вымокли под дождём.
Вы чего-нибудь ждёте? Не говорят.
Мы давно ничего не ждём.

Мы бежим куда-то, теряем след,
собираем обрывки фраз.
И какой-то слабый нездешний свет
иногда настигает нас

ниоткуда. Среди суеты мирской,
в самый серый из серых дней.
И стоим, охваченные тоской,
и не знаем, что делать с ней.

* * *

До тебя достучаться хотел в темноте,
представая внезапно во всей полноте:
щебетание, шелест, ночной ветерок,
ты дышал глубоко — надышаться не мог.

Сном спокойным, о коем и память легка,
лунным светом, сочащимся сквозь облака,
словно птица порхающим, первым снежком:
ни о чём не жалеи, не грусти ни о ком.

До утра дотянуться, дожить до весны:
зарастают обиды, сбываются сны,
мир раскрытый и чистый, как сердце цветка.
Он повсюду, и рана Его глубока.

* * *

А. А.

Если долго пытался, и прахом пошли попытки,
разлетелись надежды, проворнее птичьих стай,
то за столик садись, терпеливо пиши открытки,
а потом отправляйся на почту, и рассылай.

Адресату доставят открытку без проволочек,
он откроет конверт, улыбнувшись, начнёт читать:
пожеланий сердечных, приветов — на пару строчек,
только почерк ужасный — ни слова не разобрать.

И посмотришь в окно, и проступит на миг, сквозь вьюгу,
след улыбки нездешней — то тень на стекле твоя?
Разве это не чудо, так много сказать друг другу,
не встречаясь подолгу, ни слова не говоря?

* * *

... начнёшь опять сначала.

Блок

Умрёшь — родишься в параллельном мире,
и там, как в этом, будешь одинок.
На переменах бряцает на лире
от делать нечего румяный Саша Блок.

Сбежишь с уроков, запасёшься «Клинским»
и сквозь забор глядишь исподтишка,
как Саша Пушкин с Женей Баратынским
стреляют мелочь у молодняка.

Вот Гумилёв, отправленный с позором
из класса, пишет «Аня» на стене,
вот Мандельштам, пропахший «Беломором»,
вот Ходасевич, трезвый не вполне.

Урок насмарку: слышен смех бесстыжий,
звонка учитель раздражённый ждёт...
Заснув, невольно вздрагивает Рыжий,
когда Довлатов Бродского зовёт.

Харону до пенсии восемь лет,
машину купил и дом
за городом, спальня и кабинет:
все смотрят с раскрытым ртом.

Усопших изрядно, стоят, бледны,
на ветреном берегу:
«Паромщик, а снятся ли мертвым сны?»
Устало бубнит: «Угу».

Рабочая смена — обычный ад,
привычный уже вполне.
А вечером в гости придёт Танат
с бутылкою каберне,

он пишет стихи, в них черным-черно,
но бьётся строка, жива,
как будто имеют второе дно
привычные всем слова...

Харон усядется, разморён,
с бокалом вина в руке —
и ветер подует со всех сторон,
внимая его тоске.

Приснится мёртвых постылый ряд
и тёмная бездна вод:
туман клубится, они стоят,
тяжёлый паром плывёт.

* * *

Береги измученные мозги,
не читай между строк, не вникай в детали,
надевай-ка шапочку из фольги,
что всему коллективу вчера раздали.

У начальника смены глубокий взгляд:
как насмотрится ящика, может днями
говорить про заговор, смерть и ад
и словами сыпать с двумя корнями.

Жаль, на качество жизни слова никак
не влияют, хотя и текут без меры.
На цистерне написано «аммиак»,
а принимаюлся — чудится запах серы.

Не печалься, милый, судьба строга,
но компот и котлеты дают в столовой.
На макушке приятно шуршит фольга,
навевая мысли о жизни новой.

* * *

Алексею Беляеву

Хороши мы, Господи, или плохи,
знаешь лучше, а значит, вопрос не к нам,
но собою являем портрет эпохи,
ходим в гости, смотрим по сторонам.

Ухмыляемся, если пошутят плоско,
машинально киваем, услышав бред...
Словно ожили твари с полотен Босха
и собою заполнили белый свет.

Но на лицах наших в минуты боли
проступает правда, бледна, гола,
вот и маски сброшены поневоле,
словно крошки хлебные со стола.

И солгать невозможно, и притвориться,
и надеяться не на что: видишь Ты.
И слетаешь, Господи, словно птица,
слыша голос потерянный, с высоты.

* * *

Страшный суд состоялся, а ты не явился,
беспробудным забывшийся сном,
одеялом пуховым надежно укрылся,
как в шкафу затаился стенном.

А во сне — не какие-то дальние дали:
куртки, шапки, рукав, воротник.
Спи спокойно. Тебя на Суде оправдали,
целый день изучали дневник:

ничего не нашли, ни заначки, ни дури,
опечатали, сдали в отдел,
удивились, что не было по физкультуре
достижений, но ты же болел.

Секретарь под столом поправляла колготки,
и клонило свидетелей в сон:
адвокат приобщил твои детские фотки,
где на шапке дурацкий помпон.

Даже строгий Судья улыбнулся украдкой,
улучив для улыбки момент.
Помнишь, друга в саду угостил шоколадкой?
Это был ключевой аргумент.

* * *

Пришёл старик, забросил невод
и чешет в бороде густой.
Но ясно всем (к примеру, мне вот):
нет проку в рыбке золотой.

Плыви, старик, плыви от быта
в пучину беспокойных вод,
а то разбитое корыто
однажды со свету сживёт.

Твой спутник жизни невменяем,
и с ним — ни счастья, ни любви,
плыви, дедуля, баттерфляем,
хоть по-собачьи, но плыви.

Вода тебе проникнет в ухо,
прилипнет тина к бороде:
искать пойдёт тебя старуха,
но тщетно — не найдёт нигде.

На камень сядет возле моря,
сырую юбку подобрав,
и завопит во тьму от горя:
«Вернись, мерзавец! Ты не прав!»

* * *

И разве кто-то обещал
крупницу счастья вместо жути?
Слова, прилипшие к вещам,
не передавшие их сути?

Нездешних звуков легкий бриз,
проникший тайными путями?
Иль голубь, севший на карниз,
с просроченными новостями?

Страстей погасших жар пустой?
Тоска по спрятанному раю?
Но всё сбылось само собой,
благодарю и принимаю.

* * *

Что, чёрный человек? Прекрасно помню!
Ошибся дверью и ко мне вломился
глубокой ночью, сильно наследил,
и заказал мне реквием зачем-то.

Я начал было объяснять ему,
что-де не композитор, и что Моцарт
подходит лучше (Моцарт мой сосед).
Но, чёрт возьми, каков размер задатка!

Придётся взяться, мудрые сказали:
«Дают — бери», к тому же я когда-то
два класса кончил музыкальной школы.

* * *

Мысли, как нетрезвые матросы,
дверь снесли, ввалились в кабинет:
к жизни неприятные вопросы
накопились, а ответов нет.

Их приход понятен и банален,
пусть палят со злости в потолок...
за кордон давно уехал барин
и со страху вывез всё, что мог.

В голове теперь полно чудовищ:
зависть, злость, презрение и ложь...
новый мир с такими не построишь,
этот мир с такими не спасёшь.

* * *

Подобру-поздорову иди-ка,
нежной страсти цветочек зачах.
Раздобрела твоя Эвридика
на бесплатных подземных харчах.

Много раньше ей был интересен
голосок твой, уверенный вид.
Но у нас тут совсем не до песен.
Обернись и спроси: подтвердит.

Да, под Солнцем дышалось привольно:
танцы-шманцы, любовная ложь.
Но в Аиде-то тоже прикольно.
Объяснил бы, да ты не поймёшь.

Плеск водички, увядшего сада
аромат уловимый едва.
Что ты стонешь? Чего тебе надо?
Успокойся: мертва и мертва.

Заходишь в пещеру, слышишь негромкий хруст —
на полу догорает костёр из сухих веток,
слабый свет озаряет стену:
на ней изображён бык, истыканный копьями,
маленькие человечки пляшут вокруг быка.
С потолка капает вода, слышно «кап-кап-кап».
Костёр затухает. Чувствуется лёгкий запах дыма.
Наступает полная темнота. Холодно.
Перед глазами встают образы полутёмной пещеры,
на полу которой догорает костёр из сухих веток,
на стене которой изображен бык, истыканный копьями,
маленькие человечки пляшут вокруг быка.
С потолка капает вода, слышно «кап-кап-кап».
Это и есть смерть.
Это твоя душа, помещённая в сырую холодную пещеру,
из которой нет иного выхода, кроме как снова родиться на свет.
И ты сознательно делаешь этот выбор,
обрекая себя на новую боль.
Это твоя душа на стене пещеры, истыканная копьями,
испускает беззвучный стон.

* * *

Не осилить жизненного ребуса,
ключ упрятан за изнанкой слов.
Беспокойно усики троллейбуса
бегают по ниткам проводов.

Ничего не клеится, не лепится —
хрупок снег в руках твоих, малыш,
и выходит суцкая нелепица
из того, о чём ты говоришь.

Небеса влекут сурьмой и золотом,
бирюзой — смотреть на них ни-ни,
обдадут своим нездешних холодом.
Что, не страшно? Руку протяни.

* * *

Застукан сперающий вещи Олег
соседкой, разбуженной шумом.
Ни с чем восвояси. На улице снег,
созвездья на небе угрюмом.

Уснёт в коммуналке, приснятся ему
не шмотки, не бабы, не ходки —
какой-то старик, непонятно к чему,
щиты, остроносые лодки.

На кухню плетётся, продравший глаза,
но выглядит злым и усталым.
«Отмстить! — торжествуя кричит он, — хаза...»
И кто-то подскажет: «Татарам».

Жмёт костюмчик старого джедая —
после стирки несколько подсел...
жить бы, ничего не ожидая,
отдыхать от бесполезных дел.

Кровь без оправданий так и льётся,
как лилась пять тысяч лет тому...
Я дерусь, а что мне остаётся?
Но помочь не в силах никому.

В Тёмной дело или Светлой силе...
Что из них — начало всех начал?
Как ответить, если бы спросили?
Никогда я их не различал.

Мне учитель говорил тревожно:
«прямо в сердце зреет темнота».
Это как-то образно и сложно,
не понять, признаться, ни черта.

Лишь одно меня и вдохновляет
в жизни, промелькнувшей день за днём:
меч мой старый всё ещё сияет
красноватым преданным огнём.

Гера — мегера, Афина мужеподобна,
а Афродита прелестна, но глуповата.
Что же мне делать? Отказывать неудобно,
да и, признаться по совести, страшновато.

Кажут мне прелести. Тело — всего лишь тело.
В Трое у нас красотки ничем не хуже.
Яблоко это от пота заплесневело.
Гера-то что вытворяет, забыв о муже!

Что за издёвка? «Прекраснейшей». Чушь какая.
Сразу понятно: где пафосно, там и лживо.
Эх, разделить бы, их слабостям потакая,
яблоко поровну. Каждая заслужила.

Эта за зависть, а эта за ревность, эта
за пустозвонство... Галдят, ожидая приза.
Слиться бы как-то. А то ведь сживут со света,
скажут с усмешкой: «Смотрите, несут Париса».

* * *

Вот волна на японской гравюре
возвышается, сине-бела,
вот она в пелене и лазури
на лодчонку, бушуя, легла.

День, как бабочка, крылышки сложит —
в темноте не видать рыбака.
Разве это о смерти? Быть может...
как прозрачна, чиста и легка.

Есть у нас один придурок, Гамлет,
проживает выше этажом,
как придёт, так сразу испоганит
пьянку всю унылым бубнежом.

Надоесть успев за три минуты,
всё никак не умиряет прыть...
«Связь времён распалась». Фу ты ну ты.
Что же делать: бить или не бить?

Мы здесь все из тюрем и колоний,
и не любим мутных — просто страх.
Весь в наколках щурится Полоний,
вертит ножик-бабочку в руках.

Розенкранц в сторонке курит нервно
и окурком целит в унитаз.
Захмелев, глядит на Гильденстерна
помутневшим взором Фортинбрас.

Бабы воют (нехороший признак),
Клавдий тоже что-то в уши льёт.
Балаган. Один нормальный: Призрак
смотрит в стену — наливает — пьёт.

* * *

Довольно с меня и немногих, довольно с меня
и одного, довольно с меня и ни одного...

Сенека

Тяжёлый снег ложится на дома:
болеют эти, те сошли с ума,
разъехались по городам и странам
другие. Ну а я — сижу, как лев,
главу в раздумьях лапой подперев,
слежу сквозь стёкла за подъёмным краном.

Подъёмный кран, кантующий плиту,
как будто тоже смотрит в пустоту:
вокруг расположились пеноблоки,
беспомощно бетонное кольцо
валяется, и спрятавший лицо
вдали белеет сварщик одинокий.

С кем радость разделить, с кем горевать?
В полночной тишине кого обнять?
Как в человеке просто человека
любить? Сомнений слипшийся комок,
и я один — но я не одинок.
Ты оказался прав, старик Сенека.

* * *

(Тайная вечеря)

С работой тянет Леонардо:
аванс потрачен, зол клиент...
но никуда спешить не надо,
талант — особая награда,
и это веский аргумент.

Умрут и Медичи, и Сфорца,
на землю хлынет смрадный ад:
всё, что держалось, распадётся,
дым душегубок застит солнце,
часовню с фреской разбомбят.

И ты, случайный мой приятель,
перешагнув двадцатый век,
прекрасно знаешь, кто предатель...
(и опустил глаза Создатель)
никто, обычный человек.

* * *

Предлагали титул Отца Отечества,
волновался картинно и скулы тёр.
Два часа мои восхваляли качества:
родовитость, праведность, ум, напор.

Обсуждали дороги, войну и прочее,
и решили налоги поднять вдвойне.
А потом особые полномочия
предоставили лучшему (то есть мне).

Я в богов не верю, всё это глупости,
и едва ли придётся ответ держать...
Безнаказанно можно любые гнусности
и безумные подлости совершать.

Ну а если придётся (хотя и не верю я,
как изложено выше), скажу богам:
«Сколько лжи во мне, злобы и лицемерия...
Но и здесь я, похоже, не ровня вам...»

Одиссей воевать не хочет, поскольку война — беда:
опустевшие сёла, сгоревшие города,
груды тел бездыханных, заколотых, словно скот,
побелевшие лица рыдающих вдов, сирот.

Менелай опозорен: сбежала с другим жена,
нет, не сердце разбито, а гордость уязвлена,
отомстить, поквитаться, расправиться, сжечь дотла,
чтобы тем, кто смеётся, ответить: «моя взяла».

На Елену глядит, позабыв обо всем, Парис,
на военный трофей, на вручённый богами приз,
и в ответ улыбаются, полные синева,
эти очи бездонные. Все без неё мертвы.

Облачается Марс в окровавленный свой доспех,
он предчувствует сечу, которая свалит всех.
А Елена ему неприятна, в ней жизни нет.
Впрочем, смертным виднее, известно, на вкус и цвет...

* * *

Вот бригада землю роет,
плиткой улицу мостя.
То как зверь она завоет,
то заплачет, как дитя.

Безнадёжная попытка,
предсказуемый исход...
что поделать, если плитка
лопнет ровно через год?

В швы легко проникнет влага,
а замёрзнув, станет льдом.
Грех куражиться, однако,
над сизифовым трудом.

Это жребий наш убогий,
что достался поделом:
из высоких технологий
только ступа с помелом.

Хвост собачий, клюв цыплячий,
бесов теле-череда.
И не может быть иначе,
и не будет никогда.

* * *

В метро подсел старик, картавил,
свободно перешёл на «ты».
Не соблюдает лишних правил
душа, сорвавшись с высоты.

О, сколько чувств во мне боролось,
я говорил со стариком
и понимал, что этот голос
чужой давным-давно знаком.

Нескладен, сед, в дорожной пыли,
обижен на отца и мать...
Умерший друг, скажи, не ты ли
привет спустился передать?

Преодолея боль, по краю
скользил, и вот, сошёл во тьму.
Но что есть смерть, когда узнаю
тебя по слову одному?

* * *

Стихи исправить ничего не в силах:
посмертный слепок промелькнувших дней.
Они ушли, хотя ты и любил их,
поблекший мир не сделался светлей.

Ни нежной нотой, ни богатой краской
не стать сонету — выбери любой.
Смешно искать под этой бледной маской
всю гамму чувств, испытанных тобой.

Ни поцелуй, ведь так, ни шум прибоя?
Строка к строке подогнана умом.
Но вот без них, скажи мне, друг мой, кто я?
И что я знаю о себе самом?

СОДЕРЖАНИЕ

Сан-Микеле.....	5
«Из своих желаний вырастаешь...»	6
«Ни на что не надейся в грядущем году...»	7
«Вот приятель, отбросив свои личины...»	8
«Слякотно, мокро, промозгло, паршиво...»	9
«Иеронима почти равнодушен взгляд...»	10
«Гляди на пятку, Ахиллес...»	11
«В электричках вся правда, в подземных слепых переходах...»	12
«Побитая кучка французов...»	13
«Хорошо жилось во время оно...»	14
«Мрак растворяется во мраке...»	15
«Береги себя... Как смешно звучит...»	16
«Что понимаю я о мире?...»	17
Памятник	18
«Пушкин едет с дуэли. Дантеса...»	19
«Змей приползал, предлагал мне делить на ноль...»	20
«Земную жизнь пройдя до половины...»	21
«Царь Лесной зовёт тебя из детства...»	22
«Тот, которого нет, говорит с тобой...»	23
«До тебя достучаться хотел в темноте...»	24
«Если долго пытался, и прахом пошли попытки...»	25
«Умрёшь — родишься в параллельном мире...» ...	26
«Харону до пенсии восемь лет...»	27

«Береги измученные мозги...»	28
«Хороши мы, Господи, или плохи...»	29
«Страшный суд состоялся, а ты не явился...»	30
«Пришёл старик, забросил невод...»	31
«И разве кто-то обещал...»	32
«Что, чёрный человек? Прекрасно помню!...»	33
«Мысли, как нетрезвые матросы...»	34
«Подобру-поздорову иди-ка...»	35
«Заходишь в пещеру, слышишь негромкий хруст...»	36
«Не осилить жизненного ребуса...»	37
«Застукан сперающий вещи Олег...»	38
«Жмёт костюмчик старого джедая...»	39
«Гера — мегера, Афина мужеподобна...»	40
«Вот волна на японской гравюре...»	41
«Есть у нас один придурак, Гамлет...»	42
«Тяжёлый снег ложится на дома...»	43
«С работой тянет Леонардо...»	44
«Предлагали титул Отца Отечества...»	45
«Одиссей воевать не хочет, поскольку война — беда...»	46
«Вот бригада землю роет...»	47
«В метро подсел старик, картавил...»	48
«Стихи исправить ничего не в силах...»	49

Вадим Натанович Ямпольский

Дорожный плац

книга стихов

Корректор *Л. Н. Николаева*

Оригинал-макет изготовлен и отпечатан

ООО «ИПК «КОСТА»

СПб., Новочеркасский пр., д. 58, офис 413

Тел.: (812) 445-10-02

Подписано в печать 27.06.2018. Формат 84 × 108^{1/32}

Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Объем 1,625 п. л. Тираж 200 экз.

Заказ № 552.

ISBN 978-5-91258-418-3

